

ОСЕНЬ ПАТРИАРХА

В Петербурге прошли юбилейные гастроли

Евгения Светланова

*Независимая газета.
— 1998. — 31 сент. — с. 7*

Гюляра Садых-заде

ЕВГЕНИЯ СВЕТЛАНОВА в Петербурге любят и всегда радушно приветствуют: он — желанный гость и в филармонии, где выступает достаточно редко, но всегда с неизменным успехом, и в Мариинском театре, куда его с поразительным постоянством вызывает Гергиев, не жалея на уговоры ни времени, ни сил. Евгений Федорович, однако, на уговоры поддается весьма редко: лишь однажды, лет пять тому назад, он продирижировал своей любимой «Псковитянкой» — и спектакль преобразился. Оркестр под его руками зазвучал мягко, вполголоса, в партитуре вдруг обнаружился восхитительные детали, ранее не замечаемые, пленительные подголоски, доселе не слышанные. Соотношение темпов, баланс голосов и оркестра — словом, решительно все разительно отличалось от гергиевской трактовки, и впечатления от светлановской «Псковитянки» потому не забылись до сих пор.

Прошлые, пятилетней давности, гастроли Госоркестра в Большом зале Петербургской филармонии были триумфальными и для дирижера, и для его коллектива. Идеальное, безукоризненное звучание оркестра, его невероятная спаянность и фантастическая, мгновенная отзывчивость на жест дирижера — казалось, будто оркестр стал продолжением его руки — демонстрировали уникальное единение шефа со своими музыкантами, едва ли кем достижимое в наши дни. В этом смысле Евгений Федорович — последний из могокан: его перфекционизм в сочетании с могучим интеллектом и сердечной заинтересованностью исполняемой музыкой и глубинным, подчас мучительно личным проживанием каждого интерпретируемого сочинения требуют от дирижера немалых эмоциональных и душевных затрат, от которых, к чести Светланова, он никогда не уклоняется, ибо эта позиция, по его мнению, единственно верная и честная в нелегкой дирижерской профессии. У Светланова необычайно завышенные исполнительские стандарты; он следует им сам и требует того же от оркестра, который до недавнего времени считался одним из самых вышколенных и техничных не только в Москве, но и в стране.

В дни юбилея Светланов привез в Петербург три симфонические программы, логически и стилистически дополняющие друг друга: «еврейская» программа,

Евгений Светланов: интеллект и сердечность.
Фото Артема Житенева (НГ-фото)

составленная по случаю 50-летия Государства Израиль, включала сочинения Эрнста Блоха и симфонию «Кадит» Юрия Фалика. В «русской» программе петербургской публике были представлены «Сербо-русский марш» (видимо, на злобу дня) и Концертная фантазия Чайковского, а во втором отделении — Вторая симфония Рахманинова. Наконец, на третьем концерте, самом аншлаговом и популистском, игрались «хиты уходящего века» — Гершвин, Бернстайн, Лоу, песни ансамбля «Битлз» и из репертуара Лайзы Миннелли. Выбор такой программы несколько озадачил: в академическом зале, в Петербурге, самом «малеровском» городе России, конечно, уместнее было бы сыграть что-нибудь «из Малера», самого «общительного» композитора XX века. Тем более что в свой прошлый приезд Светланов продирижировал его Седьмой симфонией, и это было абсолютно гениально. Но maestro, только что закончивший записывать весь обширный цикл малеровских симфоний, уже «перевернул страницу» (по его собственному выражению). И решил продемонстрировать в Петербурге свою любовь к раннему джазу и всяческому «ретро». Так что Большому залу филармонии пришлось познакомиться и с микрофонным искусственным звучанием, и с джазовой манерой Александра Грасского и Ларисы Долиной. Певица, отметим, сработала вполне профессионально, нима-

ло не смутившись необычной обстановкой филармонически чопорного зала: спела свои песни четко, грамотно, с хорошей дикцией и английским произношением, виртуозно импровизировала. Чего нельзя сказать о Грасском: его голос, опертый лишь на гортань, малотехнический и негибкий, звучал так задавленно и так истошно, попытки поддержать Долину в джазовых импровизациях были так ненатуральны и малоуспешны, что от его выступлений разбаливались и голова, и горло. Подобная агрессивная подача звука в Большом зале труднопереносима: пространство зала сопротивляется «попсе», отторгает микрофонный звук. Уникальные акустические свойства зала, тончайшие реверберации, которые блуждают меж белых колонн во время академического исполнения, на этом концерте оказались просто невостребованными.

Тем не менее неспецифическая публика, почтившая вниманием третий концерт, была довольна. Ее не волновало, что пианист Валентин Тернявский, сойдясь в неравной борьбе с текстом знаменитой «Рапсодии в стиле блюз» потерпел сокрушительное поражение; текст же понес невосполнимые потери вследствие неумелого, ремесленно-натужного исполнения, утратив легкость и шарм, ту очаровательную непринужденность и ритмическую раскованность, которые являются главными украшениями «Рапсодии».

Лучшим концертом, на наш

взгляд, оказался второй: «Сербский марш» прозвучал весьма подъемно и воодушевляюще, а Концертная фантазия — хоть и не самый лучший опус Петра Ильича в отношении формы и тематизма — в исполнении Светланова и пианиста Владимира Овчинникова показалась довольно интересной и даже свежей (ибо нет сил в который раз слушать затертый до дыр Первый фортепианный концерт упомянутого автора). Сыгранная Овчинниковым на бис фортепианная Прелюдия самого Светланова тронула до слез какой-то детской наивностью, полнотой истинно русского задумчивого чувства и открытой лиричностью, не стыдящейся самое себя, что в наше язвительное и скептическое время, согласитесь, редкость. Все в Прелюдии выразилось так чудно: осень патриарха, осененная мудростью прожитых лет, но не затуманенная невзрием, светло-гармоничное мировосприятие автора, ностальгия по давно ушедшим дням. Бесспорно, Светланов черпает вдохновение из чистого, незамутненного источника. Он близок к онтологическим тайнам бытия и искусства — оттого любое его творческое проявление так завораживает. Пожалуй, это были самые главные, самые пронзительные минуты гастролей.

Петербургская публика, несмотря на высокие цены билетов, ходила на концерты исправно. Правда, на первом концерте зал был не совсем заполнен — но и то сказать, симфонию Фалика в Петербурге слышали дважды, а «Шеломо» Блоха, хоть и в исполнении замечательного виолончелиста Александра Князева, не могло увлечь ничем особенным. Милая, довольно мелодичная романтическая музыка с толикой хроматизмов. И не более того. Maestro, выйдя на подиум, окинул быстрым взглядом зал с прогалинами пустых мест и несколько погрузнел. Впрочем, уже на втором концерте аншлаг был несомненен и очевиден; на третьем же толпа брала зал штурмом — ажиотаж, плавно переходящий в то, что на сленге называется «ломом», свидетельствовал о том, что гастроли «светлановцев» достигли апогея.

Довольно много народу навещало и на дневные репетиции Светланова: следить за его жестом, за тем, как точно и выразительно он обозначает руками каждую деталь, было необычайно увлекательно. В этом смысле Светланов с годами нисколько не утратил своего волшебства — другое дело, что его оркестр теперь далеко не сразу и далеко не так точно, как раньше, реагирует на магию рук дирижера. И все же встреча со Светлановым спустя пять лет была и радостной, и духоподъемной, ибо он относится к тому редкостному типу созидательных личностей, чья деятельность, да и самое существование, озаряет наш бедный мир лучами таланта и мастерства.